
Т. А. ЖДАНКО, В. Ю. КРУПЯНСКАЯ, Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Из опыта работы Института этнографии АН СССР) *

Для этнографической науки на современном этапе ее развития характерно повышение роли обобщающих исследований — в области этногенеза, изучения процессов национальной консолидации, истории хозяйственной деятельности (земледелия, ирригации, скотоводства, ремесел и промыслов), истории общественного строя, становления национальных форм культуры и быта народов. Одной из центральных задач советской этнографической науки является изучение социалистической культуры и быта колхозного крестьянства; впервые в советское время была поставлена задача этнографического изучения быта рабочих различных народов СССР.

В связи с развитием и углублением задач этнографической науки, с одной стороны, и значительным ростом общего уровня науки в национальных республиках и областях нашей страны, — с другой, в настоящее время применяются новые принципы организации и более разработанная методика полевых исследований.

Углубление этнографических исследований, постановка сложных научных проблем требуют в ряде случаев обязательного привлечения данных смежных наук, при этом данных, относящихся к тем же районам и к тому же населению, где ведутся этнографические работы. Это вызвало необходимость ввести в практику полевых исследований организацию, помимо обычных этнографических экспедиций и индивидуальных поездок, крупных комплексных экспедиций, в составе которых работают этнографические, фольклорные, археологические, антропологические, картографические, лингвистические и другие отряды.

Вместе с тем характерной чертой организации полевых исследований в современных условиях является координация их с работой научно-исследовательских учреждений тех национальных республик и областей, где ведутся полевые работы, и осуществление совместных с ними экспедиций.

* * *

Организация комплексных экспедиций в послевоенные годы прочно вошла в практику Института этнографии АН СССР. Этнографические, археологические, антропологические и лингвистические работы вела Северо-восточная экспедиция. В составе трех отрядов — этнографического, фольклорного и антропологического работала Закарпатская экспедиция. Комплексными были уже завершившие свою работу экспедиции Дагестан-

* Доклад, прочитанный на этнографическом совещании 15 мая 1956 г.

ская, Памиро-Ферганская, Киргизская и в Коми АССР. Продолжают многолетние комплексные работы Хорезмская, Саяно-Алтайская, Прибалтийская, Мордовская экспедиции. Комплексные экспедиции организуют и академии наук союзных республик.

Участие в полевых исследованиях ученых разных специальностей позволяет шире поставить и с большей глубиной осветить изучаемые вопросы.

Второе пятилетие ведет свои работы Саяно-Алтайская экспедиция, в составе которой имеются этнографические, антропологические и археологические отряды. Основной задачей экспедиции является изучение процессов национальной консолидации народов Южной Сибири. Выясняя исторический путь развития этих процессов у ряда отсталых в прошлом народов (хакасов, тувинцев, алтайцев), этнографы вместе с антропологами и археологами провели углубленное исследование этнического состава и этнической истории народов Саяно-Алтайского нагорья; в результате в составе хакасов выявлены, помимо тюркских, кетские, самоедские, монгольские компоненты и установлен ряд других фактов, важных для разработки вопросов этногенеза. Проводившиеся параллельно археологические работы, в частности открытие древних наскальных изображений и изваяний древнетюркского времени (VII—IX вв.) в высокогорных районах южной и западной Тувы, позволяют поставить ряд важных вопросов, касающихся историко-культурных связей народов Саяно-Алтайского нагорья, а также их религиозных представлений.

В настоящее время обрабатывает материалы трехлетнего изучения этногенеза киргизов Киргизская экспедиция Академии наук СССР и Академии наук Киргизской ССР, в которой участвовали, помимо этнографических, археологические, антропологические и лингвистические отряды, а также — картографический отряд. Сопоставление данных, собранных участниками различных отрядов, позволяет наметить главные этапы формирования киргизской народности и вносит много нового в распространенную до сих пор концепцию киргизского этногенеза. Выясняется, что в этом процессе, помимо местных племен, играли очень большую роль пришлые центрально-азиатские племена, передвигавшиеся в средние века через Джунгарию; установлено отсутствие преемственности в культуре современных киргизов и древнего населения Чуйской долины (до X в. н. э.); обнаружены значительные аналогии в материальной культуре, обычаях и обрядах киргизов и народов Саяно-Алтайского нагорья; несколько родоплеменных групп оказались связанными своим происхождением с западными тюркскими народами — каракалпаками, ногайцами и другими.

В Хорезмской археолого-этнографической экспедиции обширные археологические материалы систематически дополняются сведениями, собранными этнографическими отрядами, — по родоплеменному составу местного узбекского, туркменского и каракалпакского населения, по истории его расселения, материальной и духовной культуре (в частности, по домусульманским верованиям); это помогает выяснить пути этнического развития и историю формирования культуры народов Хорезмского оазиса и прилегающих к нему степных районов, населенных кочевыми и полукочевыми племенами. Опыт включения в состав этой экспедиции специалистов-географов из Института географии АН СССР дал возможность внести много нового в исследование истории расселения племен и народов Приаралья и северо-восточной Туркмении, начиная с эпохи первобытно-общинного строя. Совместные с географами работы помогли разрешить проблему древнего течения Аму-Дарьи и определить время обводнения протоков ее дельты, Сарыкамышского озера и Узбоя, таким образом, были изучены естественно-географические факторы, которые в значительной мере обусловили этническую историю Хорезма и прилегающих областей. Своеобразной формой комплексных исследований является создание новых отрядов этой экспедиции — археолого-топографических, изучающих иррига-

цию, и археолого-этнографических, изучающих развалины туркменских и каракалпакских поселений, покинутых жителями в XIX в. по разным причинам политического и экономического характера.

Крупные комплексные экспедиции, как показал опыт, целесообразно проводить путем организации совместных полевых исследований Института этнографии АН СССР и республиканских научных учреждений или силами нескольких республиканских научных учреждений. Объединение научных сил и материальных средств, совместное планирование исследований и обсуждение их итогов на сессиях и совещаниях, совместная издательская деятельность дают возможность шире поставить работы, точнее обобщить и быстрее ввести в научный оборот результаты изысканий.

Преимущества создания больших объединенных экспедиций особенно ярко видны на примере одной из самых крупных из них — Прибалтийской, в которой участвуют, помимо Института этнографии, академии наук четырех союзных республик.

Восточная Прибалтика в этническом отношении представляет собой единую область, народы Прибалтики связаны между собой общностью происхождения и позднейшими историческими судьбами. Проблемы этногенеза и этнической истории литовцев, латышей и эстонцев могут найти правильное разрешение только при условии организации объединенных исследований среди этих народов по согласованным программам и темам. Прежде таких исследований не проводилось. До 1917 г. проблемы этногенеза и этнической истории вообще не занимали должного места в этнографии Прибалтики. В годы буржуазной диктатуры в Латвии, Литве и Эстонии этнографическая работа была в значительной мере свернута. Этнографические материалы к решению вопросов этногенеза привлекались очень мало и с неправильных методологических позиций. Помимо того, для этих лет была характерна разобщенность научных работников, замкнутость их не только в пределах республики, но и каждого из учреждений. Нельзя не указать также и на известную тенденциозность исследований, характерную для буржуазной методологии. Так, например, наименее изученными в Прибалтике явились восточные районы, прилегающие к границам РСФСР и БССР. Причиной этого было стремление буржуазных историков умышленно замалчивать и даже отрицать значение связей с славянским миром в формировании культуры народов Прибалтики.

Создание в 1946 г. в советских прибалтийских республиках академий наук привело к некоторому оживлению работы в области археологии и этнографии.

В 1950 г. Институт этнографии АН СССР провел в Москве первое совещание по этнографии Прибалтики; оно положило начало систематическому общению этнографов Москвы, Ленинграда и Прибалтийских республик. На совещании, после долгих лет изоляции, участники обменялись информацией о проводимых исследованиях, наметили направление работ на будущие годы. В развитие пожеланий, высказанных на этом совещании, в 1952 г. по инициативе Института этнографии АН СССР была организована Балтийская антрополого-этнографическая экспедиция, в задачи которой входило исследование вопросов этногенеза и этнической истории народов восточной Прибалтики.

В 1955 г. Балтийская антрополого-этнографическая экспедиция была реорганизована в Прибалтийскую комплексную объединенную экспедицию. В ее состав входит теперь большой коллектив археологов, этнографов, антропологов. Начинают, правда, еще очень медленно, включаться в ее работу языковеды и фольклористы.

Не останавливаясь подробно на результатах этого научного сотрудничества, следует все же отметить значение объединения исследователей центральных и республиканских научных учреждений, которое уже сказалось в области антропологических исследований. Прибалтийские республики можно теперь отнести к числу территорий СССР, наиболее

хорошо изученных в антропологическом отношении. Большого внимания и одобрения заслуживает также опыт совместных этнографических исследований, проводимых отрядами экспедиции. Так, Литовский, Латвийский отряды провели совместное с Северо-западным отрядом Русской экспедиции Института этнографии АН СССР маршрутное обследование, продвигаясь вдоль восточной границы Латвийской и Эстонской республик и северо-западных районов РСФСР. Выход за пределы административных границ республик, изучение пограничных, смешанных по составу населения районов позволяет в наибольшей мере выявлять пути взаимовлияния в культуре народов и общность культурных явлений или, наоборот, обнаруживать их отличия, местную специфику.

Широко вошла в жизнь практика совместного издания трудов объединенных комплексных экспедиций; примерами могут служить Труды Киргизской экспедиции (т. I выходит из печати, подготовлен т. II), Труды Прибалтийской экспедиции (т. I — коллективная монография по этнической антропологии Прибалтики — сдан в издательство, т. II — Очерки по этнографии и археологии Прибалтики — сдается в 1956 г.), Труды Хорезмской экспедиции (т. III, содержащий материалы и исследования по этнографии каракалпаков, находится в печати). Совместно с республиками издаются и монографии, посвященные этнографическому исследованию отдельных колхозов (о таджикском и о киргизском колхозе).

Совместные долготелетние полевые исследования очень благотворно сказываются на росте этнографических кадров на местах: студенты, молодые научные работники и аспиранты получают в экспедициях серьезную практику этнографической работы и часто избирают для своих дипломных работ и диссертаций темы, связанные с порученной им в экспедиции изыскательской работой.

* * *

Для методики полевых исследований за последние годы характерно уменьшение роли индивидуальных этнографических поездок по сравнению с коллективными работами, ведущимися в основном тремя методами: сплошных маршрутных обследований, тематических (как стационарных, так и маршрутных) исследований и стационарного всестороннего изучения. Применение того или другого из этих методов полевых работ зависит от темы и задач исследования и от характера материала, который надо собрать. Одна и та же многолетняя экспедиция может сочетать эти методы (например, после завершения сплошного маршрутного обследования проводить более углубленные тематические и стационарные работы).

Коллективные экспедиционные полевые работы не исключают индивидуальных поездок, которые в отдельных случаях бывают даже более целесообразными (например, при изучении религиозных пережитков).

С п л о ш н ы е м а р ш р у т н ы е о б с л е д о в а н и я, как метод полевых работ, вызваны тем обстоятельством, что для составления обобщающих трудов этнографам нужен научно полноценный, синхронный, достоверный и сопоставимый материал, охватывающий целиком территорию и население данной страны. Это и вызвало к жизни широко применяемый в последние годы метод планомерных сплошных маршрутных этнографических обследований отдельных республик и областей, причем эти обследования должны обязательно сопровождаться составлением подробных этнографических карт. Большое значение при таком методе полевых работ имеет правильно разработанный маршрут; для его составления необходимо учитывать все имеющиеся литературные данные и неопубликованные материалы предшествующих исследований и с наибольшей полнотой выявлять степень этнографической изученности отдельных районов и групп населения. Некоторые экспедиции практикуют при этом составление специальных карт этнографической изученности тех республик и областей, в которых предстоит резервнуть маршрутные работы.

Некоторые этнографы правильно сравнивают этот метод с топографической съемкой, производимой одновременно на большой территории. Действительно, например, Киргизская экспедиция во время сплошного обследования северной Киргизии лишь за два сезона (1953 и 1954 гг.) охватила 32 района (в Иссык-Кульской, Тянь-Шаньской, Таласской и Фрунзенской областях), посетила более 150 населенных пунктов, в том числе айлы колхозных животноводов на высокогорных пастбищах, и прошла в общей сложности по своему маршруту свыше 10 тыс. км, обследовав расселение и этнические особенности более двух десятков в прошлом родоплеменных групп киргизов. В 1955 г., работая тем же методом, экспедиция изучала южную Киргизию.

Сплошное этнографическое обследование проводили за последние годы и другие экспедиции Института этнографии АН СССР и академии наук союзных республик: Русская, собиравшая материал для этнографического атласа русского народа в районах, бывших до сих пор «белыми пятнами» на этнографической карте РСФСР (отряды: Орловско-Курский, Северо-восточный, изучавший средний Урал, Северо-западный — Смоленскую, Великолуцкую и другие области, Южный — районы, заселенные донскими, кубанскими и терскими казаками), Хорезмская, Прибалтийская, Дагестанская, Мордовская, этнографическая экспедиция Академии наук Таджикской ССР (работавшая в Гармской и Кулябской областях республики) и другие экспедиции.

Метод сплошного маршрутного обследования применяется, таким образом, прежде всего в малоизученных районах и областях для сбора детального материала по этническому составу и размещению населения (с целью составления этнографической карты) или при рекогносцировочных работах по комплексной программе (с целью получения основных сведений, характеризующих локальные особенности материальной культуры мелких этнографических групп). В результате маршрутных работ ряда экспедиций в Институте этнографии уже имеются детальные и точные карты этнического состава Дагестана, Ферганской долины, Киргизии, Мордовии, Хорезмского оазиса и др.; отдельными экспедициями (Русской, Прибалтийской) уже картографируются собранные сведения по материальной культуре для этнографических атласов.

Т е м а т и ч е с к и е п о л е в ы е и с с л е д о в а н и я проводятся в случае сбора материалов для углубленной разработки какой-либо одной из областей культуры или быта изучаемого народа. Они обычно сочетают маршрутные поездки с более или менее длительными остановками в пунктах, где выявляются наиболее интересные и типичные объекты работы по данной теме. Примером могут служить полевые работы для сбора материалов по двум координируемым научными учреждениями СССР темам по современному быту колхозного крестьянства народов СССР — «жилище» и «семейный быт». Маршрут при тематических исследованиях — не сплошной, а выборочный, работы ведутся по специальным программам.

С т а ц и о н а р н ы е п о л е в ы е р а б о т ы практикуются в последние годы преимущественно для изучения современного быта. Этот вид исследований требует длительного и многократного пребывания экспедиции в изучаемом селении или городе.

Сложная задача выявления происшедших за годы Советской власти и продолжающихся в настоящее время процессов преобразования быта рабочих и колхозников требует всестороннего и глубокого изучения их семейной, общественной и производственной жизни. Одним из первых опытов полевых исследований стационарного типа является работа в селе Вирятино Тамбовской области коллектива Славяно-русского сектора Института этнографии АН СССР, подготовившего за три года (1953—1955) историко-этнографическую монографию об этом селе. Этнографы подолгу жили там, выезжали туда в разное время года, в разные сезоны полевых работ, на праздники (советские и религиозные), на свадьбы и проч. Ста-

ационарные исследования рабочего быта проводились В. Ю. Крупянской на Урале и А. Г. Трофимовой на Кавказе, а также и сотрудниками других учреждений — А. И. Робакидзе (АН Груз. ССР), А. С. Куницким, М. Т. Ломовой и Л. П. Шевченко (АН УССР).

Длительной стационарной работы требует и изучение религиозных пережитков, ибо тут для успешного сбора материала особенно необходимо большое доверие населения.

Перейдем к вопросам методики разработки основной этнографической тематики.

Изучение материальной культуры в полевых условиях проводится в тесной связи с изучением семейного и общественного быта. Взаимосвязь этих явлений особенно ярко отражается в планировке селений и жилища, при исследовании которых часто выявляются пережиточные формы общественных отношений.

В последние годы стало входить в практику дополнение программ этнографических исследований вопросниками или анкетами. Этим достигается получение, в результате полевых работ, массового, хорошо сопоставимого материала, дающего возможность сравнить изучавшиеся объекты и сделать обоснованные выводы по отдельным важным вопросам. В частности, при изучении жилища широко применяется обследование всего жилого фонда колхозного селения по специальной форме (анкете), учитывающей время постройки, строительный материал, архитектурные особенности, планировку и проч. К анкетному листку прилагаются план и разрез здания, его фотография или зарисовка. Этот массовый материал, пополненный детальными выборочными обследованиями жилища, представляет собой солидный источник для выводов о процессе развития одного из важнейших элементов материальной культуры народа — его архитектуры.

Тематическое изучение жилища проводили Мордовская, Киргизская и Прибалтийская экспедиции. Так, в 1955 г. Мордовской экспедицией было проведено сплошное подворное обследование свыше 1000 усадеб; обследование проводилось по специальной анкете. В Киргизской экспедиции жилища ряда селений изучались по вопроснику, учитывающему особенности жилых домов и усадеб недавно осевших кочевников.

Тематическое обследование жилища на значительной территории Поволжья было проведено доцентом Казанского университета Е. П. Бусыгиным. С недавнего времени анкеты и вопросники стали применяться и при изучении современного семейного быта, но об этом — ниже.

В течение ряда лет обсуждался вопрос о методике исследования главной темы советской этнографической науки — современного быта колхозного крестьянства и рабочих. Это нашло свое отражение и на страницах журнала «Советская этнография». Накопленный Институтом этнографии АН СССР и этнографическими научными учреждениями союзных республик опыт позволяет прийти к заключению, что разработка этой тематики не требует каких-либо принципиально новых методов полевых работ. Вместе с тем необходимо учитывать большую сложность этнографического изучения современной жизни крестьян по сравнению с их дореволюционным бытом. Это обусловлено вовлечением их в крупное социалистическое хозяйство, расширившимися связями с городом и промышленными центрами, ростом культуры и образованием значительной прослойки интеллигенции в крестьянских семьях, большей чем до революции, подвижностью населения, коренным преобразованием старых бытовых устоев и мировоззрения. Разработка вопросов, касающихся влияния новых факторов современности на быт, требует не только сбора более обширного круга материалов, не только углубленных монографических исследований, базирующихся на непосредственном наблюдении бытовых явлений, но и широкого привлечения статистики, применения сплошных посемейных анкетных обследований, изучения бюджетов колхозных хозяйств.

Для более широких обобщений, касающихся процессов преобразования

культуры и быта колхозного крестьянства какого-либо народа, необходимо значительное накопление данных, создание большого числа монографий по разным географическим и экономическим районам. Это должно сочетаться с тематическими маршрутными обследованиями: нельзя колхозы изучать как какие-то островки, изолированные от окружающего населения.

Целью этнографического изучения социалистического быта является не простое описание современного его состояния; основная задача исследования — выявить направление развития народной жизни, а это возможно лишь при изучении явлений в историческом аспекте. Только последовательный историзм дает возможность установить происхождение явлений, причинную зависимость происходящих изменений, объяснить сущность социалистической перестройки быта и выявить причины, ускоряющие или, наоборот, замедляющие процесс развития. Поэтому исследование современного быта колхозной деревни предполагает обязательное изучение жизни данного селения и в дореволюционное время, а также на ранних этапах советского периода. Этнографы в настоящее время широко пользуются не только историко-этнографическим материалом — расспросами населения и записями воспоминаний свидетелей прошлого, но и архивными источниками, как дореволюционными, так и по ранним годам советской эпохи.

При исследовании живого современного быта основной отправной точкой является с е м ь я. Особенно плодотворно изучение семьи в ее поколениях, т. е. изучение истории отдельных семей, их хозяйства, материальной культуры, состава и внутреннего строя, быта в разные исторические периоды. Даже этнографическое описание трех поколений одной современной семьи дает существенные результаты. А на Кавказе этнографам, беседовавшим со стариками, возраст которых превышает 100 лет, удалось описать значительно большее число поколений.

Цеонный материал дает также запись биографий отдельных людей — рядовых колхозников, руководителей колхоза и др.

Раскрытие жизненного пути людей разных поколений помогает уяснить процесс формирования социалистического сознания людей и вместе с тем выявить те источники, которые питают пережитки старого мировоззрения в семейном и общественном быту.

Опыт работы с применением посемейных анкет был проведен при изучении русского села Вирятино, а также группы колхозов в Латвийской ССР и отчасти в Литовской ССР. Путем посемейной переписи были собраны сведения о численности семей, их половом и возрастном составе, родственных отношениях, профессии и образовании членов семей, характере их участия в общественном производстве, а также о членах семей, живущих на стороне.

Обобщение данных, содержащихся в посемейных карточках, позволяет зачастую вскрыть такие процессы, которые не обнаруживаются простым наблюдением или опросом.

Однако при статистических разработках анкетных данных следует иметь в виду, что одни только цифры еще ничего не значат: любая таблица требует дополнительных расшифровок и взаимосопоставления. Так, при выяснении численного состава семей в латвийских колхозах Л. Н. Терентьевой был обнаружен большой процент одиноких людей. Для объяснения этого факта потребовалась статистическая разработка посемейной анкеты в других направлениях, в частности, выделение возрастного состава этой группы. Сопоставление полученных данных с социально-экономическими группировками латышского крестьянства раскрыло те процессы, которые происходили еще совсем недавно, при капиталистическом строе, в области семейных отношений. Оказалось, что большинство одиноких людей старших возрастов относится к группе бывших безземельных крестьян и батраков, не имевших прежде возможности в силу безысходной бедности завести семью.

Анкета помогает исследователю переходить от простой констатации фактов к углубленному анализу движущих сил развития. Так, например, обобщение данных по уровню образования и профессии членов семей (в поло-возрастной разрезе) обнаруживает постепенное увеличение в составе колхозной семьи интеллигентской прослойки, оказывающей большое влияние на все стороны материальной и духовной жизни семьи. К тем же выводам приводит и анализ данных о членах семьи, живущих на стороне.

Именно при помощи анкет обнаруживается большая, чем до Октябрьской революции, подвижность сельского населения, не только мужского, но и женского, разнообразие профессий и отраслей применения труда. Данные эти отчетливо вскрывают рост связей деревни с городом и промышленными центрами, что является одним из наиболее действенных факторов социалистической перестройки быта.

Более сложным путем, но все же можно при должном внимании извлечь из посемейных анкет и массовые данные о внутреннем строе семьи. Так, например, проведенная в с. Вирятино посемейная перепись показала, что прежняя неразделенная семья ушла в прошлое; однако из этого отнюдь не следует, что пережитки патриархальных отношений вполне исчезли из семейного быта. Обобщение анкетных данных показало, что в семьях сложных, т. е. когда со стариками-родителями живет женатый сын со своими детьми, главой является старший в семье, даже при условии его глубокой старости и нетрудоспособности. Те же случаи, когда главой семьи — при стариках-родителях — является женатый сын, т. е. представитель младшего поколения, падают за небольшими исключениями на неполные семьи (при старухе-матери, теще).

Анкетное обследование, конечно, не может вскрыть существа современных семейных взаимоотношений, но, обнаруживая фактическое положение вещей, наталкивает исследователя на дальнейшее углубленное изучение.

Посемейное анкетное обследование, содержащее сведения о соотношении в семьях работающих и иждивенцев и о степени их участия в общественном производстве, позволяет более правильно наметить и провести выборочное изучение семейных бюджетов, что очень важно для выявления одной из главных, определяющих сторон быта колхозников — их материального благосостояния.

* * *

Таким образом, последние годы характеризуются применением в этнографической науке новой организации полевых работ (комплексность и координация исследований) и новой методики, выражающейся в сочетании сплошных маршрутных обследований с более углубленными тематическими, как маршрутными, так и стационарными изысканиями. Новым является также широкое введение в практику экспедиций сплошных и выборочных анкетных обследований, отличающихся от принятых в дореволюционной этнографии своей целенаправленностью и принципом совмещения в разработанных вопросниках данных, характеризующих взаимосвязь социально-экономических, культурных и бытовых явлений. Эти принципиально новые моменты в методике, так же как последовательно проводимый историзм в полевых исследованиях, противопоставляемый простой фиксации фактов и описательству, обеспечивают научную ценность полевых материалов. Собранные такими методами этнографические полевые материалы представляют собою источник первостепенной важности, освещающий глубины народной жизни, те стороны исторического процесса, хозяйственной деятельности, быта и культуры многонациональных масс трудящихся Советского Союза, которые не изучаются никакими другими смежными историческими дисциплинами. Полевые этнографические записи — это ценнейшие документы истории советской эпохи, достоверность которых обеспечивается правильной, квалифицированной организацией

полевых работ. Это обстоятельство следует подчеркнуть в связи с имеющейся у некоторых историков тенденцией слепо отдавать предпочтение архивным источникам лишь потому, что они привычным путем «извлекаются из архивов», и относиться с непонятным сомнением к не менее, а подчас и более объективным и достоверным данным полевых этнографических материалов.

В результате повывишегося общего уровня культуры народов СССР возросла активность самого населения в области научных знаний, его стремление к познанию своего прошлого, этнической истории своего народа, путей развития его национальной культуры. Современные информаторы в большинстве случаев хорошо грамотные люди и являются иногда даже соавторами этнографов в их исследованиях.

Так, самое активное участие в работе над монографией по селу Вирятино принял председатель колхоза «Путь Ленина» С. М. Ожогин, явившийся одним из авторов главы об общественном хозяйстве колхоза и на всем протяжении работ экспедиции оказывавший ей помощь своими консультациями. Большую помощь оказали экспедиции и рядовые колхозники, из которых многие оказались прирожденными краеведами, с живым и глубоким знанием истории, культуры и быта своего села. От одного из них — 63-летнего колхозника Е. А. Дьякова экспедицией записано около 100 страниц интереснейшего материала. Вот почему так необходимо очень внимательное и чуткое отношение к информаторам, тщательное разъяснение им задач работы, указание в печатных трудах на их участие в этнографических исследованиях, а вместе с тем в ряде случаев и критическое отношение к сделанным от них записям, в которые могут проникнуть сведения, почерпнутые не из живой действительности, а прочитанные в книгах, услышанные на лекциях, докладах и пр.

Большую помощь в сборе материалов по быту современной деревни оказывают сельские учителя, и экспедициям следует возможно больше вовлекать их в свою работу.

Наряду со значительными достижениями за последние годы наблюдаются и существенные недостатки в полевых этнографических исследованиях. Далеко не по всем разделам этнографической тематики разработаны программы и анкеты, а составленные программы мало обсуждаются и почти не публикуются. Во время экспедиций недостаточно используются квалифицированные специалисты и современная техника для улучшения качества фиксации полевых материалов; так, не во всех экспедициях участвуют архитекторы, художники и даже фотографы; мало применяется такой прекрасный метод этнографической фиксации, как кино; мало используется звукозаписывающая аппаратура; плохо обстоит дело с инструментарием для антропологических работ и т. д.

Весьма ощутимым недостатком общего характера является отсутствие на местах разветвленной сети краеведческих организаций и слабая этнографическая работа местных музеев, зачастую не имеющих специалистов-этнографов в составе своих сотрудников. Между тем краеведческие музеи могли бы оказывать существенную помощь в полевых работах, требующих охвата больших территорий (при сборе материалов для этнографических атласов) или длительных стационарных наблюдений (при изучении современного быта). С другой стороны, участвуя в научных экспедициях, местные музеи получили бы больше возможности для пополнения своих коллекций, для научного роста своих сотрудников.

Неблагополучно положение с обработкой и хранением полевых материалов и с организацией общего пользования материалами совместных комплексных экспедиций: они обязательно должны дублироваться и быть доступными всем участникам экспедиций — как разных научных специальностей, так и работающим в разных научных учреждениях.

Совершенно нетерпимым является такое положение, при котором экспедиции Института этнографии АН СССР и других научных учрежде-

ний на протяжении ряда лет не ведут сбора вещевых этнографических материалов, и им не выделяются средства на приобретение этнографических коллекций.

Вопросы организации полевых исследований и методики их проведения до сих пор не получают должного освещения в этнографической печати. Недостаточно внимания уделяется им и в практической работе этнографов. Давно назрела необходимость регулярно обмениваться опытом полевых исследований, серьезно заняться подготовкой и широкой публикацией методических инструкций, программ, анкет по основной этнографической тематике, как общего характера, так и составленных применительно к разным областям нашей страны и разным народам.
